

УДК 346.2

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-4-46-59

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ АФФИЛИРОВАННОСТИ

А. В. Сятчихин

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: doka065@gmail.com

Д. И. Стороженко

Магистр юриспруденции

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: dariastor22@gmail.com

Аннотация: статья посвящена онтологии понятия «аффилированность» в российском праве. Исследуются доктринальные воззрения на содержание указанного понятия, а также нормативный подход к определению правового статуса аффилированных лиц в корпора-

© Сятчихин А. В., Стороженко Д. И., 2020

тивном, антимонопольном, банкротном и налоговом законодательстве. Несмотря на закрепление понятия «аффилированные лица» в гражданском законодательстве, основания возникновения аффилированности, а также правовые последствия аффилированности конкретизируются в отраслевом законодательстве. Данное положение свидетельствует об отсутствии унифицированного понятия «аффилированность» в российском праве. Стоит признать, что расширение признаков аффилированности как отношений правовой связанности «размывает» указанное понятие в российском праве. Неопределенность и очевидная недостаточность правового регулирования понятия «аффилированность» демонстрирует отсутствие исчерпывающего правового регулирования деятельности лиц в рамках отношений, складывающихся внутри группы компаний. Универсализация понятия «аффилированность» в российском законодательстве не представляется возможной. Предлагается устанавливать аффилированность лиц непосредственно в правоприменительной деятельности, применяя функциональный подход к анализу возможности лица влиять на субъектов гражданских правоотношений.

Ключевые слова: аффилированность; аффилированные лица; взаимосвязанные лица; взаимозависимые лица; группа лиц

DOCTRINAL AND REGULATORY APPROACHES TO THE CONCEPT OF AFFILIATION

A. V. Syatchikhin

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: doka065@gmail.com

D. I. Storozhenko

Master of law
National Research University “Higher School of Economics”
20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000
E-mail: dariastor22@gmail.com

Abstract: the article is devoted to the ontology of the concept of “affiliation” in Russian law. The author examines the doctrinal views on the content of this concept, as well as the normative approach to determining the legal status of affiliated persons in corporate, antimonopoly, bankruptcy and

tax legislation. Despite the consolidation of the concept of “affiliated persons” in civil legislation, the grounds for the emergence of affiliation, as well as the legal consequences of affiliation, are specified in the industry legislation. This provision indicates the absence of a unified concept of “affiliation” in Russian law. It is worth recognizing that the expansion of the signs of affiliation as a relationship of legal connectedness “blurs” this concept in Russian law. The uncertainty and obvious insufficiency of the legal regulation of the concept of affiliation demonstrates the lack of an exhaustive legal regulation of the activities of persons within the framework of relations developing within the group of companies. The universalization of the concept of “affiliation” in the Russian legislation is not possible. It is proposed to establish the affiliation of persons directly in law enforcement activities by applying a functional approach to the analysis of the possibility of a person to influence the subjects of civil legal relations.

Keywords: *affiliation; affiliated persons; interrelated persons; interdependent persons; group of persons*

Высказываясь о проблематике современных исследований аффилированности в отечественной цивилистике, А. В. Габов утверждает, что «основная дискуссия о необходимости регулирования отношений аффилированности, ее понятия, признаков и последствий просто отложена»¹.

Представители современной отечественной цивилистики однозначно высказываются о недостаточности существующего в российском законодательстве понятийного аппарата для регулирования отношений групп компаний. Давая характеристику позиций ученых-цивилистов, отметим, что необходимость в модернизации понятийного аппарата, являющегося предметом настоящего исследования, возникает в рамках нескольких смежных подотраслей права, в связи с чем целесообразно рассмотреть подходы, касающиеся аффилированности лиц, имеющиеся в антимонопольном, корпоративном и банкротном законодательствах.

В доктрине корпоративного права справедливо отмечается, что «в российском законодательстве имеются лишь отдельные попытки регулирования права концернов (или холдингов), которые не основаны на каком-либо едином, продуманном подходе»². В обоснование своей позиции Е. А. Суханов описывает процесс утверждения изменений в Гражданский кодекс Россий-

¹ Габов А. В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: моногр. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. С. 98.

² Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 254.

ской Федерации³, в рамках которого произошло изъятие развернутых положений об аффилированности из статьи 53.2 ГК РФ с последующим восставновлением норм о материнских и дочерних компаниях в статье 105, а также установлением ответственности лиц, уполномоченных совершать волеизъявления от имени юридических лиц, в статье 53.1 ГК РФ.

В качестве обоснования недостаточности существующего законодательного регулирования взаимосвязи участников гражданского оборота И. С. Шиткина указывает на необходимость правового регулирования экономической зависимости хозяйствующих субъектов, не обладающих статусом юридического лица, но по сути представляющих единый бизнес⁴. В поддержку данной позиции Р. Т. Мифтахутдинов и А. И. Шайдуллин отмечают, что «регулирование отношений связанности и контроля является подлинной ахиллесовой пятой корпоративного и банкротного права России, ибо в этой сфере отсутствует какая-либо системность подходов»⁵.

Исследуя корпоративную природу взаимосвязи, И. С. Шиткина приходит к выводу, что аффилированность является исключением из правила о невозможности преодоления внешней границы корпоративной структуры юридического лица⁶. Действительно, в соответствии с установлениями правовых позиций высших судебных инстанций, наличие обстоятельств, свидетельствующих об общности экономических интересов, допустимо через подтверждение не только юридической, но и фактической аффилированности⁷.

Кроме того, при характеристике аффилированности в рамках корпоративных правоотношений исследователи акцентируют внимание на процессе формирования воли юридического лица. В частности, А. В. Ефимов пишет о том, что «правовые последствия аффилированности юридических лиц в ос-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ [ред. от 11.06.2021 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2021 г.].

⁴ См.: Шиткина И. С. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. 2010. № 8. С. 47.

⁵ Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. 2020. № 9 (спецвыпуск). С. 32.

⁶ См.: Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. С. 667.

⁷ См.: Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 г. № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014.

новном находят выражение на уровне деятельности органов юридических лиц по формированию воли»⁸.

Давая характеристику понятию «аффилированность», А. В. Габов указывает, что через это понятие «законодатель пытается описать потенциально конфликтогенную связь двух и более субъектов, которая может повлиять на отношения одного из субъектов такой “связанности” с третьими лицами, с которыми, в свою очередь, связан другой субъект “связанности”, на права и обязанности таких третьих лиц»⁹.

В научной дискуссии, посвященной положениям антимонопольного регулирования и сфере противодействия коррупции, аффилированность характеризуется через смежные подотрасли права. С учетом этого ученые-цивилисты констатируют расширение данного понятия в указанной сфере. Например, Т. А. Терещенко и Е. А. Ганюшин отмечают, что «в связи с неопределенностью понятия “аффилированность” сформировалась обширная судебная банкротная и налоговая практика, и на уровне экономической и административной коллегий Верховного Суда РФ признана возможность установления аффилированности не в соответствии со строгими правилами закона и его буквальным текстом, а на основе фактических обстоятельств дела, что важно при выявлении аффилированности как формы личной заинтересованности во внесудебной практике»¹⁰.

Исследуя роль аффилированности, О. С. Соколова утверждает, что «аффилированность как форма проявления коррупциогенных правоотношений с участием лиц, выполняющих публично значимые функции в органах власти и подведомственных организациях, является особым инструментом диагностики конфликта интересов»¹¹. Также Д. А. Петров указывает на возможность применения для целей антимонопольного законодательства понятия «аффилированность» в широком смысле, что наиболее ярко проявляет себя при проведении антимонопольных расследований¹².

⁸ Ефимов А. В. Влияние аффилированности на компетенцию органов юридических лиц: проблемы квалификации принятия решения о совершении сделки зависимым юридическим лицом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 10. С. 79.

⁹ Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: моногр. / К. М. Беликова, А. В. Габов, Д. А. Гаврилов [и др.]; отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 2015. С. 125.

¹⁰ Терещенко Т. А., Ганюшин О. Е. Аффилированность: эволюция понятия в российском праве // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 4. С. 40.

¹¹ Соколова О. С. Скрытая аффилированность как инструмент диагностики конфликта интересов в сфере противодействия коррупции // Современное право. 2019. № 9. С. 39.

¹² См.: Петров Д. А. Отношения связанности (аффилированности) как родовое понятие в сфере антимонопольного регулирования // Конкурентное право. 2018. № 4. С. 12–15.

Данная позиция представляется обоснованной, поскольку имплементация расширительного толкования понятия «аффилированность» и перечня лиц, соответствующих признакам аффилированности, из банкротного права в смежные отрасли является характерной для современной практики тенденцией. К примеру, из Методических рекомендаций по вопросам организации антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях в отношении лиц, замещающих муниципальные должности, и муниципальных служащих следует, что о факте личной заинтересованности и связанности должностных лиц с иными лицами свидетельствует их совместное проживание, совместное обучение и прохождение военной службы, совместный отдых и др.¹³

Развитие понятия аффилированности в рамках института несостоятельности в России характеризуется его имплементацией из антимонопольного законодательства с последующим расширением данного понятия через «фактическую аффилированность». Именно при разрешении обособленных споров в рамках дел о банкротстве судебная практика начала вырабатывать критерии, свидетельствующие о фактической взаимосвязи лиц.

Научная дискуссия в контексте установления значения понятия «аффилированность» в рамках несостоятельности связана с определением и разграничением степени взаимного контроля лиц. В научных исследованиях аффилированность классифицируется на простую, которая характеризует непосредственное влияние одного субъекта на другого субъекта, и сложную, которая возникает как связь между несколькими лицами и осуществляется через общее для всех контролирующее лицо¹⁴. В настоящий момент данный подход находит свое отражение в судебной практике¹⁵. Кроме того, исследователи выделяют личную и организационную формы зависимости¹⁶. Личная форма зависимости характеризуется наличием единого лица, входящего в состав органов управления, подконтрольных организаций, а организационная форма зависимости представляет собой процедурную особенность принятия решений, ставящую волеизъявление коллективного лица в зависимость от

¹³ Методические рекомендации по вопросам организации антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях в отношении лиц, замещающих муниципальные должности, и муниципальных служащих. URL: <https://rosmintrud.ru>.

¹⁴ Городулин К. В. Правовой статус аффилированных лиц по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 26.

¹⁵ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 г.

¹⁶ См.: Григораш И. В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 43.

волеизъявления его конкретного члена (группы лиц)¹⁷. На наш взгляд, при классификации взаимосвязи лиц внутри группы оптимальным является разделение ее на «горизонтальную», учитывающую взаимоотношения равных субъектов внутри группы, и «вертикальную», учитывающую отношения контроля и подчинения¹⁸.

Специфика развития правоприменительной практики по делам о банкротстве состоит в поглощении понятием «аффилированность» понятия «контролирующее должника лицо»¹⁹. Неконтролируемое расширение понятия аффилированности происходит за счет его расширительного судебного толкования, в то время как понятие «контролирующее должника лицо» урегулировано законодательством о банкротстве. На наш взгляд, смешение данных понятий недопустимо, поскольку актуальная правоприменительная практика ориентирована на дифференциацию деятельности лиц внутри групп компаний в зависимости от степени их взаимного влияния. Сами по себе отношения аффилированности не порождают отношений контроля и, как следствие, не влекут за собой надлежащей ответственности в рамках хозяйственной деятельности корпорации.

Отмечая несовершенство нормативного регулирования, ученые-цивилисты выдвигают предложения, направленные на улучшение российского законодательства. Так, указывая на недостатки понятийного аппарата, характеризующего взаимосвязь в корпоративных правоотношениях, Д. И. Степанов предлагает «взамен имеющей довольно узкое применение на практике конструкции “основное – зависимое общество” (ст. 67.3 ГК РФ)... ввести в корпоративное право и законодательство более универсальную категорию “контролирующее – подконтрольное лицо”»²⁰.

Е. А. Суханов утверждает, что «невозможно и нецелесообразно создавать как специальное гражданско-правовое понятие аффилированности, так и единое понятие аффилированности, которое было бы общим для всего законодательства в целом, поскольку широкое и последовательное применение правил об аффилированности способно “похоронить” как таковую конструкцию юридического лица»²¹.

¹⁷ См.: Григораш И. В. Указ соч. С. 43.

¹⁸ Кокорин И. В. Все кредиторы равны, но некоторые равнее других. К вопросу о субординации корпоративных займов при банкротстве в России, Германии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 122.

¹⁹ См.: Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Указ. соч. С. 38.

²⁰ Степанов Д. И. Проблемные вопросы корпоративного законодательства о группах компаний и холдингах // Закон. 2016. № 5. С. 70.

²¹ Суханов Е. А. Указ. соч. С. 252.

В свою очередь И. С. Шиткина указывает на межотраслевой характер данного понятия и утверждает, что общее понятие аффилированности необходимо закрепить в ГК РФ, при этом подразумевая возможность конкретизации данного понятия в отраслевых нормативно-правовых актах в зависимости от целей правового регулирования²².

Таким образом, в научном юридическом сообществе единогласно признается необходимость модернизации и унификации понятия «аффилированность» для определения вида связанности участников гражданского оборота. С. С. Алексеев пишет, что «правоотношение всегда является известной связью, указывающей, что конкретные участники занимают по отношению друг к другу определенное положение, то есть “связаны” друг с другом»²³. Необходимость в установлении понятия «аффилированность» и приведении его в соответствие с современными реалиями обусловлена возникновением различных правовых последствий такой взаимосвязанности лиц.

Действующее российское законодательство содержит в себе широкий спектр нормативно-правовых актов, затрагивающих вопрос регулирования взаимосвязи между участниками гражданского оборота. Непосредственно об аффилированности упоминается в статье 53.2 ГК РФ, которая отсылает к понятийному аппарату статьи 4 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»²⁴ (далее – Закон о конкуренции).

В Законе о конкуренции аффилированные лица – это физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. В частности, аффилированными юридическому лицу признаются:

1) член его совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, член его коллегиального исполнительного органа, а также лицо, осуществляющее полномочия его единоличного исполнительного органа;

2) лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное юридическое лицо;

3) лица, которые имеют право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица;

²² См.: Корпоративное право. С. 705.

²³ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 246.

²⁴ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: Закон РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 (ред. от 26.07.2006 г.).

4) юридическое лицо, в котором данное юридическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица;

5) если юридическое лицо является участником финансово-промышленной группы, к его аффилированным лицам также относятся члены советов директоров (наблюдательных советов) или иных коллегиальных органов управления, коллегиальных исполнительных органов участников финансово-промышленной группы, а также лица, осуществляющие полномочия единоличных исполнительных органов участников финансово-промышленной группы.

Аффилированными физическому лицу, ведущему предпринимательскую деятельность, являются:

1) лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное физическое лицо;

2) юридическое лицо, в котором данное физическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица.

В корпоративном законодательстве в качестве альтернативы понятию «аффилированность» используется понятие «заинтересованность», содержащееся в статье 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»²⁵ (далее – Закон об ООО), а также в статье 81 Федерального закона «Об акционерных обществах»²⁶ (далее – Закон об АО).

В отечественном законодательстве заинтересованность выражается:

1) в связи обществ через акционеров (участников), которые владеют (либо распоряжаются акциями (долями) общества на иных основаниях) 50 и более процентами уставного капитала обоих обществ;

2) связи обществ через исполнительные и наблюдательные органы;

3) связи обществ через лиц, не занимающих посты в исполнительных и наблюдательных органах обществ, но уполномоченных соглашением или договором давать обществу обязательные для него указания либо совершать от имени общества юридически значимые действия;

4) связи обществ через отношения родства и свойства с упомянутыми выше лицами.

²⁵ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.).

²⁶ Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.).

В налоговом законодательстве наличие взаимосвязи между участниками оборота характеризуется как взаимозависимость лиц. Статья 105.1 части первой Налогового кодекса Российской Федерации²⁷ содержит в себе перечень критериев, необходимых для установления взаимозависимости лиц. Обобщая нормативные критерии, отметим, что лица признаются взаимозависимыми в случае, если особенности отношений между ними могут оказывать влияние на условия и (или) результаты сделок, совершаемых этими лицами, и (или) экономические результаты деятельности этих лиц.

Особенностью нормативного регулирования, присущего налоговому законодательству, является прямое указание законодателя на полномочие суда признавать лиц взаимозависимыми по основаниям, прямо не предусмотренным в пункте 2 статьи 105.1 Налогового кодекса РФ. Наличие прямого указания на допущение усмотрения суда необходимо в связи с потребностью в установлении «круга таких операций налогоплательщика, в отношении которых существует риск их совершения на коммерческих или финансовых влияющих на цену условиях, отличных от тех, которые бы имели место в отношениях между независимыми друг от друга контрагентами, действующими самостоятельно и на строго предпринимательских началах, то есть в своих собственных экономических интересах»²⁸. Тем самым налоговое законодательство и соответствующая судебная практика нацелены на избежание уклонения от налогообложения, снижения налогооблагаемой базы.

В статье 19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»²⁹ (далее – Закон о банкротстве) указывается на категорию заинтересованных лиц. В эту категорию включены:

- 1) лица, которые входят в одну группу лиц с должником; лица, которые являются аффилированными должнику;
- 2) лица, входящие в коллегиальный исполнительный орган или иной орган управления должника, главный бухгалтер (бухгалтер) должника, члены совета директоров;
- 3) иные лица, имеющие возможность определять действия должника.

Указанный подход является широким, поскольку содержит в себе подходы к установлению взаимосвязи между лицами, характерные для антимонопольного и корпоративного законодательства.

²⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 20.04.2021 г.).

²⁸ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017 г.

²⁹ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.).

Кроме того, Закон о банкротстве вводит дефиницию «контролирующее должника лицо». В силу статьи 61.10 Закона о банкротстве «под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий»³⁰. Данная категория характерна исключительно для банкротного права, однако взаимосвязь между лицами в рамках контроля по делам о банкротстве может быть построена исходя из правоотношений, регулируемых корпоративным, трудовым, конкурентным и иными отраслями права.

При определении понятия «контролирующее должника лицо» наличие временного ограничения периода влияния такого лица на деятельность должника устанавливается с целью привлечения первого к субсидиарной ответственности. Чтобы привлечь лицо к субсидиарной ответственности в рамках банкротства, необходимо установить, что лицо совершало противоправные деяния, которые в конечном счете привели предприятие к банкротству. Сам по себе период влияния лица на деятельность должника не имеет правового значения. Значимым юридическим обстоятельством в данном случае является момент совершения определенного действия, приведшего к банкротству должника.

Кроме того, законодатель предусмотрел наличие презумпции контроля лица над должником, которая характеризуется формальными признаками контроля:

1) руководством должника или членством в исполнительном органе должника;

2) правом распоряжаться 50 и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо правом назначать (избирать) руководителя должника;

3) правом извлекать выгоду из недобросовестной деятельности лиц, имеющих или имевших право действовать от имени должника.

Наблюдая развитие содержания понятия «контролирующее должника лицо», мы отмечаем рост числа лиц, подпадающих под привлечение к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве: «от 4 при принятии

³⁰ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ.

Закона “О несостоятельности (банкротстве)” до 15 в связи с изменениями, внесенными в законодательство о банкротстве Федеральным законом “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»³¹. При оценке в научной литературе существующий перечень лиц, действия которых могли повлиять на несостоятельность должника, назван чрезмерно раздутым³².

Таким образом, следует отметить отсутствие единого универсального понятия «аффилированность» в российском законодательстве. На сегодняшний день для установления взаимосвязи между участниками гражданского оборота законодателем используются различные подходы, учитывающие специфику взаимосвязи, а также цели ее установления для различных правоотношений.

Аффилированность является «каучуковым» понятием, которое не должно сводиться к определению возможности одного лица влиять на поведение другого, то есть контролировать его. Между тем цивилисты не придерживаются единого мнения относительно нормативного закрепления понятия «аффилированность» в российском законодательстве. Позиция о необходимости законодательного закрепления универсального определения аффилированности представляется нецелесообразной, поскольку требует комплексной разработки соответствующих критериев взаимосвязи. В свою очередь, разработка таких критериев позволит недобросовестным участникам гражданского оборота исключать соответствующие «маркеры» аффилированности из структуры правоотношений, что повысит латентность злоупотреблений.

Кроме того, возможность анализа правоотношений необходимо оставить на уровне судебной практики, поскольку возложение обязанностей по установлению злоупотреблений в рамках конкретных правоотношений должно быть произведено на основании комплексной и компетентной оценки всех обстоятельств дела, являющихся предметом судебного разбирательства.

Представляется необходимым установление ограничений, направленных на сдерживание экстенсивного роста категории «аффилированность» в отечественном законодательстве. Дальнейшее расширение сферы приме-

³¹ Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 253.

³² Гутников О. В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48.

ния данного понятия оказывает негативное воздействие на развитие механизмов «прокалывания корпоративной вуали», а также на определение механизма организации деятельности и роли каждого из участников внутри группы компаний, поскольку не позволяет эти роли дифференцировать.

Разрабатывая решение для развития института аффилированности в российском законодательстве, необходимо отказаться от целостного заимствования данного института из зарубежного права. В настоящий момент отечественное право столкнулось с несоответствием понятия «аффилированность», существующим в англо-саксонском праве и принятым в современной доктрине концепции автономии воли юридического лица как субъекта гражданских правоотношений.

Следует отметить, что на сегодняшний день при определении аффилированности необходимо придерживаться функционального подхода, учитывающего возможность любого субъекта гражданского права оказывать влияние на деятельность иных лиц. Для развития понятия «аффилированность» за основу нужно принять подход, существующий в антимонопольном законодательстве и учитывающий дифференциацию отношений взаимосвязи и контроля между членами, состоящими в одной группе лиц.

Библиографический список

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.

Габов А. В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: моногр. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М., 2014. 230 с.

Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 248–273. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273.

Городулин К. В. Правовой статус аффилированных лиц по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 181 с.

Григораши И. В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. М.: Волтерс Клувер, 2007. 184 с.

Гутников О. В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48–60.

Ефимов А. В. Влияние аффилированности на компетенцию органов юридических лиц: проблемы квалификации принятия решения о совершении сделки зависимым юридическим лицом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 10. С. 77–86.

Карелина С. А. Правовые проблемы несостоятельности (банкротства) корпораций: новеллы и тенденции // Право и бизнес. 2018. № 2. С. 41–45.

Кокорин И. В. Все кредиторы равны, но некоторые равнее других. К вопросу о субординации корпоративных займов при банкротстве в России, Германии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 119–137.

Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: моногр. / К. М. Беликова, А. В. Габов, Д. А. Гаврилов [и др.]; отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 2015. 656 с.

Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с.

Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. 2020. № 9 (спецвыпуск). 137 с.

Петров Д. А. Отношения связанности (аффилированности) как родовое понятие в сфере антимонопольного регулирования // Конкурентное право. 2018. № 4. С. 12–15.

Соколова О. С. Скрытая аффилированность как инструмент диагностики конфликта интересов в сфере противодействия коррупции // Современное право. 2019. № 9. С. 35–39.

Степанов Д. И. Проблемные вопросы корпоративного законодательства о группах компаний и холдингах // Закон. 2016. № 5. С. 67–86.

Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.

Терещенко Т. А., Ганюшин О. Е. Аффилированность: эволюция понятия в российском праве // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 4. С. 32–42.

Шиткина И. С. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. 2010. № 8 (403). С. 29–47.

Информация для цитирования

Сятчихин А. В., Стороженко Д. И. Доктринальный и нормативный подходы к понятию аффилированности // Ex jure. 2021. № 4. С. 46–59. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-4-46-59.

Syatchikhin A. V., Storozhenko D. I. Doctrinal and Regulatory Approaches to the Concept of Affiliation. *Ex jure*. 2021. № 4. Pp. 46–59. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-4-46-59.